

ВАЛЕРИЙ
БРЮСОВ

ДЕКАДЕНТ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б89

Брюсов, В.

Б89 Декадент / В. Брюсов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 142 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72667-2

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Валерия Брюсова «Декадент».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

Содержание

Декадент	5
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава пятая	24
Глава шестая	30
Глава седьмая	35
Глава восьмая	40
Глава девятая	46
Глава десятая	53
Глава одиннадцатая	58
Глава двенадцатая	61
Обручение Даши	65

Декадент

Лирическая повесть в XII главах

Глава первая

Чем дальше отодвигается от меня мое прошлое, мое недавнее прошлое, которое уже начинает мне казаться невероятным, тем я снее начинаю я понимать, как много пережито за один мелькнувший год. Деятели выдающихся исторических эпох, вероятно, не сознавали, что двигают мировую историю, так как великие события были перемешаны для них с будничными встречами и заботами; только после, когда время позволило взглянуть на прошлое изда-лека, поняли эти люди, что пережили, что создали.

Как жадно перечитываю я теперь те страницы дневника, которые я писал тогда, эти беспорядочно набро-санные строки, смешанные с заметками о театре, о задуманных произведениях. Но они побледнели, эти строки; ничего не говорят фотографии и сохранившиеся афиши; только письма и мои стихи дышат прежним ароматом.

И вот, когда я стараюсь связать свои воспоминания, первое, что мне приходит на память, — это тот холодный мартовский вечер, в который я — мрачный и раздражи-тельный — слушал, лежа на диване, моего друга пекар-ского, говорившего о своей новой любви. В те дни Пекар-ский бродил по всем своим знакомым, разглашая всем, что он счастлив; вот почему зашел он и ко мне, хотя мы не встречались уже с год. Я терпеливо выслушал длинное стихотворение, прочитанное мне, где «любовь» рифмо-валось с «кровь», а для «утра» подыскивалось «перламу-тра». Я даже позволил пекарскому перечислить мне все достоинства его предмета и узнал, что это единственная девушка, которая в полном смысле может быть подругой жизни и которую можно уважать.

— Но, друг мой, когда я видел тебя последний раз, ты, кажется, смеялся над любовью?

— О, это совсем другое. Видишь ли...

Пекарский начал излагать свой взгляд на любовь. В гимназии, где мы учились вместе, Пекарский сначала мечтал о будущности художника и думал совершить преобразования в живописи. Потом, на моих глазах, краски и кисти были заброшены. Пекарский погрузился в математику, делил угол на три части и вычислял квадратуру круга. Поступил он, однако, на юридический факультет, и последний раз я видел его погруженным в политическую экономию, презирающим искусство и вообще страшным реалистом.

— Давно ли ты стал поэтом?

— Я, кажется, всегда писал стихи.

Тут я вспомнил, что Пекарский, действительно, всегда имел тяготение к литературе и даже усердно посылал плоды своих вдохновений в разные журналы, пока не нашел одного из них в «почтовом ящике».

— Позволь мне сделать нескромный вопрос. А ты... Любим?

— Ах, мой друг, разве можно это знать... Ты знаешь... Девушка... И т. Д.

— Кто же она, если это не тайна?

— Ты ее немного знаешь... Помнишь кремневых?

— Как? Ты влюблен в нину?

— Нет, я люблю не Нину Александровну, а ее сестру.

У кремневых я был года два тому назад на спиритическом сеансе, и тогда варе, сестре нины, было лет 13-14; по всем задаткам из нее должна была выйти самая заурядная барышня.

Между тем Пекарский начал повествовать мне о семье своего предмета. Оказалось, они были страстные

спириты и успели обратить даже пекарского. «Флюид», «астральное тело», «переспри» — так и посыпалось с его языка. «Это новая жизнь, — говорил он, — новые горизонты науки, возрождение человечества!»

Лежа на диване и слушая восторженные восклицания своего друга, я задумался о себе самом. То был для меня период некоторого утомления. Родители мои еще до моего рождения порешили, что их первенец будет необыкновенный человек, и я с ранних лет привык считать себя гением. В своих детских играх я воображал себя великим изобретателем. Впоследствии, когда ребяческие грезы приняли более определенную окраску, я сознательно сделал себя рабом своего таланта. Было время, когда я заставлял себя мыслить образами, мечтать, слышать в шуме леса ропот упрека. Вообще я жил деланной жизнью: не учился, а запасался сведениями, не влюблялся, не ссорился, а искал впечатлений. Тем заманчивей показалась мне теперь жизнь среди людей, которые мало знают меня, вдали от поклонников и друзей, от всего, что окружало меня за последнее время. Почему не отдохнуть с месяц? Манили меня, конечно, и те явления на сеансах, о которых говорил Пекарский, да хотелось и посмотреть предмет его любви, а после — почему нет? — И отбить его.

Я сообщил пекарскому, что очень заинтересован спиритизмом и желал бы побывать на сеансах. Мой друг пришел в восторг.

Глава вторая

Добродушные и гостеприимные кремневы встретили меня как старого знакомого.

За два года общество, собиравшееся на сеансах, почти не изменилось. Были те же знакомые? Двое старичков-спиритов, обыкновенно? Молчавшие, но неодобрительно качавшие головами в ответ на мои доводы против духов; та же молодежь, смотревшая на сеансы только как на предлог собрания и смеявшаяся когда-то над моими странностями. Больше других изменился я сам, 20 лет и 22 — разница большая. Я приобрел уверенность в себе и хладнокровие, а за меня был еще сборник моих стихов, недавно появившийся в печати, что для большинства барышень и молодых людей сразу выводило меня из смешного положения непризнанного поэта.

Особенно обрадовалась мне сама кремнева, мария васильевна, как неопиту спиритизма. В первый же вечер я выслушал длинный ряд необыкновенных историй и получил для чтения полный год «ребуса». Не особенно приветливо встретил меня бунин, как и два года назад все еще считавшийся женихом нины, с которым мы и прежде постоянно не ладили. Зато щечки женички, за которой я прежде ухаживал, раскраснелись, как лермонтовская слива.

Около нее я и пристроился, надеясь таким образом легче ориентироваться. Понятно, женичка попыталась было встретить меня холодно, но еще более понятно, что это ей не удалось. Бедная девочка, должно быть, все эти два года только и мечтала обо мне. В первый же вечер мне удалось проводить ее домой. Я сказал ей, что объяснять